

Леопольд I: имперская политика, династические цели и испанское наследство

Аннотация: В статье анализируется трансформация политики императора Священной Римской империи Леопольда I (1658-1705). Впервые в историографии внешняя и внутренняя политика Леопольда I предстают в неразрывной связи с его династическими целями и борьбой за испанское наследство. Леопольд, которого долгое время исследователи считали нерешительным и недальновидным, показан как император, способный на активную продуманную политику.

Ключевые слова: Леопольд I, война за испанское наследство, Людовик XVI, Священная Римская империя, Большой альянс

УДК 94(430).044

Abstract: The article analyzes the transformation of the policy of Leopold I, emperor of the Holy Roman Empire (1658 – 1705) and head of the German branch of the House of Austria. Leopold I has been described traditionally as a rather weak ruler. There are indications that this view has to be revised. Leopold may be described as an extraordinarily successful emperor who managed to lead the Roman-German imperial reign to a level of power that it had not reached before and would not reach again after him. The firmness, not to say obstinacy with which the emperor pursued his political aims, ultimately became clear after the death of the last Spanish Habsburg King Charles II. Despite his temporally complete isolation Leopold did not hesitate to offer tough resistance against any Bourbon claims and followed a quite aggressive, hazardous political and military strategy.

Key words: Leopold I, War of the Spanish Succession, Louis XVI, Holy Roman Empire, Great Alliance

Введение: Недооцененный император

“Not born for power” - такой подзаголовок получила биография императора Леопольда, вышедшая из-под пера историка Джона П. Шпильмана вначале в 1977 г. на английском, а позже в 1981 г. на немецком языках. Следует отметить, что на немецком языке это до сих пор единственная биография этого императора¹. При первом взгляде кажется, что Шпильман подчеркивает своим подзаголовком то, что Леопольду, как второму сыну императора Фердинанда III, была уготована духовная карьера, и лишь

---

* **Кампманн Кристоф** – доктор исторических наук, профессор университета г. Марбурга (Германия), руководитель семинара по истории раннего нового времени (e-mail: christoph.kampmann@uni-marburg.de)

¹ Первое английское издание появилось в Лондоне в 1977; немецкий перевод: Spielman J.P. Leopold I. Zur Macht nicht geboren. Wien, 1981.

позже, после ранней смерти его старшего брата Фердинанда (IV), его начали готовить для императорского трона. Более глубокий смысл заголовка – в другом: Шпильман стремился четко продемонстрировать, что Леопольду всю жизнь была чужда политическая власть. Тем самым исследователь продолжает широкую историографическую традицию: долгое время Леопольд имел в историографии репутацию нерешительного, крайне религиозного, отрешенного от мира, зависящего от своих советников и совершенно не воинственного монарха².

Однако не так давно в исторических исследованиях наметился коренной перелом, связанный с переосмыслением политики Леопольда. Теперь Леопольд считается чрезвычайно успешным императором, которому удалось поднять германскую империю на вершины власти, которых не достигал, вероятно, по современным оценкам, никто ни до, ни после него³. Если речь шла о его интересах, то Леопольд мог действовать крайне решительно, даже беспощадно, так что в последние годы своего правления он не без основания внушал страх как в империи, так и при дворе в Версале⁴.

Появлению прежнего, вводящего в заблуждение исторического образа Леопольда, как правителя слабого и забывающего о власти, способствовали два фактора. Во-первых, историография до сих пор концентрировала свое внимание на первой половине длительного периода правления императора, т.е. на времени, когда свобода действий Леопольда была действительно очень ограничена⁵. При этом вторая половина времени правления, когда Леопольд энергично преследовал для себя и для своей династии далеко идущие имперские цели, выпадала из виду. Другой причиной можно считать собственное изображение Леопольдом себя, как правителя, которое сильно сказалось на позднейшей историографии. Леопольд придавал большое значение тому, чтобы представлять скромным, богобоязненным, полностью преданным династии монархом и лишь крайне неохотно позволял изображать себя военным героем, даже в тех случаях, когда его армии праздновали огромнейшие военные победы и совершали

² Похожие суждения о Леопольде I высказывали Генрих Риттер фон Србик и Освальд Редлих, см.: Srbik H.R., von. Wien und Versailles 1692 – 1697. Zur Geschichte von Straßburg, Elsaß und Lothringen. München, 1944, S. 26f.; Redlich O. Weltmacht des Barock. Österreich in der Zeit Kaiser Leopolds I. Wien, 1961, S. 49f.; сравнительный анализ портретов Леопольда I с XIX в. содержится в книге Ютты Шуманн: Schumann J. Die andere Sonne. Kaiserbild und Medienstrategien im Zeitalter Leopolds I. Berlin, 2003, S. 385-389.

³Ср.: Whaley J. Germany and the Holy Roman Empire, Volume 2: From the Peace of Westphalia to the Dissolution of the Reich 1648-1806. Oxford, 2012. P. 27: «By the end of his forty-seven year reign in 1705 he [Emperor Leopold] had achieved a position of power in the Reich perhaps greater than that occupied by any predecessor or successor. His effectiveness as a ruler in the Reich owed much to his skilful handling of imperial politics and his skilful handling of imperial politics and to his astute exploitation of imperial prerogatives». Схожая линия аргументации высказана в работе Антона Шиндлинга: Schindling A. Leopold I. (1658-1705) / Anton Schindling / Walter Ziegler (hrsg.) Die Kaiser der Neuzeit 1519-1918. Heiliges Römisches Reich, Österreich, Deutschland. München, 1990, S. 169-185, 482f.; Press V. Österreichische Großmachtbildung und Reichsverfassung. Zur kaiserlichen Stellung nach 1648. / Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung 98 (1990). S. 131-154.

⁴ Ср.: Ulbert J. Die österreichischen Habsburger in bourbonischer Sicht / Konkurrierende Modelle im dynastischen Europa. Bourbon – Habsburg – Oranien 1700, hgg. von Katharina Krause, Eva-Bettina Krems und Anuschka Tischer, Köln/Wien 2008. С. 248-250.

⁵ Общая неизученность эпохи Леопольда I в историографии ведет к необходимости пользоваться работами ранних авторов, в которых много неадекватных оценок: см. Schindling A. Op.cit. S. 481. Особое внимание авторов к периоду до 1683 г. ярко показывает очень полная биография Леопольда Жана Беренже, которая уделяет последним годам правления императора не более 100 страниц из общего объема книги в 471. См.: Berenger J. Léopold Ier (1640-1705). Fondateur de la puissance autrichienne (Perspectives germaniques). Paris, 2004.

грандиозные завоевания⁶. Такая сдержанность была среди правителей его времени совершенно непривычной. Она способствовала тому, что ни союзники, ни противники не могли в полной мере оценить мощь императора, что позволяло ему в решительный момент нанести неожиданный удар.

В свою очередь династическая политика показывает, какие высокие цели ставил в действительности император Леопольд, с какой решимостью он это делал, хорошо продумывая военные кампании. Одновременно династические цели Леопольда свидетельствуют, как сильно изменилось политическое положение императора с 1680-х гг. Естественно, в рамках нижеследующего повествования речь не может идти о всеобъемлющем освещении проблемы, это лишь очерк, проливающий свет на важные аспекты династической политики императора, которую, конечно, надо понимать только в контексте общего политического развития. В центре нижеследующего изложения находится ключевая веха в политике императора, хронологический отрезок, охватывающий 1680-е гг. С одной стороны, вначале необходимо обратить внимание на первые три десятилетия правления императора, благодаря чему станет очевидным значение «коренного перелома» («Grand Tournant», как выразился Шарль Бутан)⁷ 1680-х гг. Это привело к новому формулированию династических целей Леопольда. С другой, следует в общих чертах представить, каким образом император во второй половине своего правления пытался претворить эти династические цели в жизнь, как это отражалось в имперско-испанских отношениях.

Новое деление австрийского наследства? Долгая дорога к урегулированию вопросов наследства 1688 г.

1. Тайное завещание 1688 г. как поворотный пункт

В течение 1688 г. император Леопольд составил документ, который явился поворотным для дома Габсбургов. Это было так называемое собственноручно написанное «завещание». Не случайно Густав Турба в своем исследовании по истории Прагматической санкции, всеобъемлющем и до сегодняшнего дня незаменимом благодаря богатству использованных источников, назвал этот документ «путеводным»⁸. В завещании император Леопольд указал, что общее наследство австрийского дома должно быть поделено между его обоими сыновьями – эрцгерцогом Иосифом (род. в 1678 г.) и эрцгерцогом Карлом (род. в 1685 г.). Австрийские наследственные земли, а также королевства Богемия и Венгрия он отдавал своему старшему сыну Иосифу⁹. Уже в этом завещании Леопольд распорядился еще до достижения Иосифом совершеннолетия провести его скорейшее избрание будущим главой империи¹⁰.

⁶ Ср.: Schumann J. Op. cit. S. 384.

⁷ Boutant Ch. L'Europe au Grand Tournant des années 1680. La Succession palatine (Travaux du Centre de recherche sur les civilisations de l'Europe moderne). Paris, 1985.

⁸ Turba G. Die Grundlagen der Pragmatischen Sanktion. Band II.: Die Hausgesetze. Leipzig, Wien 1912. S. 143f.

⁹ Eigenhändiges Testament Leopolds I. [1688] / Turba G. Op. cit. S. 361f.

¹⁰ Ibid., S. 365. Леопольд распорядился, чтобы администрация при выборе его малолетнего сына наследником действовала в духе традиционного порядка.

В завещании идет речь и о наследовании в Испании: в случае, если наследство в Испании вскоре отойдет к нему самому и его наследникам по мужской линии, Леопольд определял своего второго сына Карла испанским преемником¹¹. Здесь Леопольд заявил свою принципиальную позицию императора в отношении испанского наследства: на основании бесспорного по мнению Леопольда факта, глубоко укоренившегося в законах династии Габсбургов, мужская линия австрийского дома имела право взаимного наследования, игнорируя любых других претендентов¹², поэтому Леопольд считал себя законным наследником в случае прекращения испанской линии¹³. Тем самым Леопольд без церемоний отметал возможные претензии на испанское наследство Бурбонов и Виттельсбахов, причем претензии Людовика XIV в завещании даже не были упомянуты. Что же касается притязаний Макса Эммануила, зятя императора, то их упоминание носило чисто символический характер. Они были отвергнуты в случае отказа от наследства дочери Леопольда Марии Антонии¹⁴.

Значение тайного завещания, таким образом, невозможно переоценить, потому что в нем Леопольд впервые сформулировал те представления относительно общего австрийского и испанского наследства, которые в будущем должны были определять его политику. Тайное завещание является поворотным моментом правления императора Леопольда: в течение двух долгих десятилетий начала правления не существовало политических и династических предпосылок для подобных заявлений. Только далеко идущие политико-династические изменения с конца 1670-х гг. позволили императору сформулировать такие далеко идущие династические цели.

2. Трудное начало императорской власти: договор Габсбургов –Бурбонов о разделении 1668 г.

При восшествии на престол императора Леопольда в 1658 г. трудно было представить, что он в конце своего правления превратится в серьезного монарха, вызывающего страх в Версале и при некоторых дворах империи. После ранней смерти старшего брата в 1654 г. молодой эрцгерцог получил права на наследования в землях Габсбургов и в империи. В Богемии и габсбургской части Венгрии эта преемственность функционировала достаточно хорошо¹⁵. Однако все попытки Вены

¹¹ Ibid., S. 363. «И мой второй сын Карл вероятно будет объявлен испанским преемником (в случае если наследство отойдет ко мне или моим потомкам по мужской линии, то я его таковым назначаю)».

¹² Ср.: Turba G. Op. cit. S. 130. В случае, если его собственный дом прекратиться по мужской линии, он целенаправленно провозглашал своего «дружественно возлюбленного племянника Карла», испанского короля Карла II, единоличным наследником всех своих земель. См.: Eigenhändiges Testament Leopolds I. S. 363.

¹³ Roll Ch. Im Schatten der spanischen Erbfolge. Zur kaiserlichen Politik auf dem Kongress von Rijswijk / Der Friede von Rijswijk 1697. Hg. von Heinz Duchhardt in Verbindung mit Matthias Schnettger und Martin Vogt. Mainz, 1997. С. 88. Этот наследственно-правовой принцип базировался на традиционном праве дома Габсбургов; так взаимное право наследования по мужской линии было сформулировано уже в принципе примогенитур Фердинанда II в 1623 г. Ср.: Turba G. Op. cit. S. 130.

¹⁴ Ср.: Eigenhändiges Testament. S. 363f. Мария Антония была единственным ребенком в браке Леопольда I с испанской инфантой Марией Маргаритой; в брачном договоре она отказалась от испанского наследства для себя и своих детей, который, правда, не был признан кортесами. Ср.: Kraus A. Bayern im Zeitalter des Absolutismus (1651-1745) / Spindler H. (hrsg.) Handbuch der bayerischen Geschichte. Band 2. München, 1966. S. 428f.

¹⁵ Леопольд уже в 1655 г. был коронован как король Венгрии, а в 1656 г. – как король Богемии.

сделать Леопольда наследником в империи еще при жизни его отца Фердинанда III (1637-1657) потерпели крах: слишком велико было недоверие среди имперских чинов, опасавшихся, что Габсбурги втянут империю во франко-испанскую войну, бушующую уже два с половиной десятилетия, и аннулируют результаты Вестфальского мира. Во главе антигабсбургской оппозиции стоял курфюрст-архиепископ Майнца Иоганн Филипп фон Шернборн. Только после смерти Фердинанда III и полуторагодового периода междуцарствия – одного из самых длинных в истории империи вообще, курфюрсты все-таки снизошли до выбора Леопольда, и то только потому, что никакой другой альтернативы не существовало. При этом были предприняты радикальные меры предосторожности против возможных посягательств со стороны габсбургской администрации¹⁶. Выборная капитуляция также ограничила свободу действий молодого императора в сфере внешней политики¹⁷, по настоянию Шернборна был создан антигабсбургский Рейнский союз, который, находясь под протекторатом Франции, мог влиять на дела империи¹⁸. Прикрываясь идеалами Рейнского союза, Людовик XIV в последующие годы постоянно успешно вмешивался как верховный судья в имперские дела. Эти действия были провокационными по отношению к Леопольду, который, конечно, практически ничего не мог предпринять против них, к тому же у него скоро возникли дополнительные трудности. Османский султан, могущественный и агрессивный исламский сосед на юго-востоке, в 1662 г. напал на земли Габсбургов: он вторгся на приграничные территории контролируемой Габсбургами Венгрии и таким образом угрожал границам империи. Нападение турок удалось отразить только благодаря сильной поддержке имперских чинов на Регенсбургском рейхстаге 1663 г. и при унижительном для императора содействии Франции, после чего с султаном был заключен двадцатилетний мирный договор, достаточно выгодный для империи¹⁹.

Однако за этот мир Леопольд заплатил высокую политическую цену: Регенсбургский рейхстаг отказался расходиться до тех пор, пока не будут решены некоторые спорные вопросы относительно передачи императорских прерогатив сословиям. Постепенно он превратился в «постоянный рейхстаг»²⁰. Кроме того, в Венгрии часть критически настроенного по отношению к Габсбургам протестантского дворянства оказалась недовольна мирным договором с Турцией. Попытки Вены подавить эту оппозицию военной силой привели к дальнейшей эскалации конфликта, которая позже вылилась в гражданскую войну между враждебными Габсбургам «курруццами» и верными им «лабанцами»²¹.

¹⁶ Schindling A. Leopold I. S. 169-171.

¹⁷ Aretin K.O., von. Das Alte Reich 1648 – 1806. Band 1: Föderalistische oder hierarchische Ordnung (1648-1684). Stuttgart, 1993. S. 193.

¹⁸ Ibid., S. 199-201.

¹⁹ Béranger J. Op. cit. S. 227-235.

²⁰ Schindling A. Die Anfänge des Immerwährenden Reichstags zu Regensburg. Ständevertretung und Staatskunst nach dem Westfälischen Frieden (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz. Abteilung Universalgeschichte 143). Mainz, 1991.

²¹ Béranger J. Op. cit. S. 273-304.

Помимо этого, в первые два десятилетия правления на императоре тяжелым бременем лежала неопределенность династического будущего австрийской и испанской ветвей Габсбургов. Ни Леопольд, ни его испанский кузен, король Карл II Испанский (1665-1700) не имели наследников по мужской линии, и при различных дворах уже строились совершенно секретные планы о том, что должно произойти в случае пресечения линии дома Австрии с австрийскими владениями²². Это дополнительно ослабляло авторитет императора Габсбурга. Только в 1678 г. у императорской четы родился желанный престолонаследник.

Лишь зная эти обстоятельства можно понять строго секретный договор, оставшийся неизвестным до XIX в., заключенный между Леопольдом и Людовиком XIV в январе 1668 г. о возможном разделении испанской империи²³. В нем обе стороны договаривались, что в случае смерти испанского короля бездетным, Испанские Нидерланды, Франш-Конте (графство Бургундия), Наварра, Неаполь-Сицилия, как и заокеанские Филиппины и испанские владения на северном побережье Африки отойдут к Франции, тогда как остальная часть испанской империи, т.е., Испания вместе с американскими заокеанскими владениями и верхняя Италия достанутся Леопольду. И хотя при этом раскладе главная часть испанского наследства должна была достаться дому Австрии, тем не менее, в целом был большой успех французского короля. Вена, тем самым, в первый раз принципиально признавала наследственные претензии Бурбонов на Испанию (несмотря на торжественный, но оспариваемый отказ от наследства Марии Терезии 1660 г.²⁴) и давала возможность Франции шантажировать себя, т.к. Людовик мог в удобный для себя момент обнародовать это завещание, что скомпрометировало бы Леопольда в глазах мадридского правительства, которое, как известно, категорично и последовательно отклоняло любую мысль о разделе испанской империи. Также было сомнительно, сможет ли Леопольд вообще взять в свое владение причитающуюся ему часть испанского наследства на Иберийском полуострове и тем более за океаном, не располагая соответствующими военными средствами, особенно, флотом. В целом, первый договор о разделе, который, что характерно, даже не был ратифицирован венской стороной, является отражением несвободы действий императора в первое десятилетие его правления.

---

²² Kraus A. Op.cit. S. 419.

²³ Текст опубликован: Legrelle A. La diplomatie française et la succession d'Espagne. Volume 1. Le premier traité de partage (1659-1697). Paris, 1888. S.518-528. Cp. с Béranger J. An Attempted Rapprochement between France and the Emperor: the Secret Treaty for the Partition of the Spanish Succession of 19 January 1668 / Ragnhild Hatton (ed.). Louis XIV and Europe. London 1976, 133-152. Беренже явно считает, что этот договор должен был служить фундаментом всего дальнейшего взаимодействия между Бурбонами и Габсбургами.

²⁴ О вопросах отказа о наследстве Марии Терезии, жены Людовика XIV, и сложных вопросах, связанных с этой проблемой см. подробнее: Séré D. La Paix des Pyrénées. Vingt-Quatre ans des négociations entre la France et l'Espagne (1635-1659). Paris, 2007. P. 483-486; cp. с: Kampmann Ch. Gleichheit – Gleichgewicht – Dynastie: Leitvorstellungen europäischer Friedensverträge im Wandel / L'art de la paix. Kongresswesen und Friedensstiftung im Zeitalter des Westfälischen Friedens. Hg. von Christoph Kampmann u. a. Münster, 2011. S. 333-360, здесь S. 372f.

3. Начинаящееся укрепление императорской позиции с 1670-х гг.

При анализе ранней политики Леопольда, бросается в глаза тот факт, что все эти неудачи и мрачные прогнозы первых лет правления ни разу в реальности не задели Леопольда и не заставили его пасть духом. В этом проявились главные черты личности императора. В частном общении он предстал перед многими современниками в высшей степени любезным, набожным, сознающим свой долг, усердным монархом, кроме того, типично для Габсбургов, он был очень одарен музыкально²⁵. Политику Леопольда характеризовали между тем ярко выраженная настойчивость и решительность, которые основывались, прежде всего, на практически несокрушимой вере в исключительное положение, предназначение и будущее его дома. Если речь шла о безопасности унаследованных территорий и тем самым их католическом конфессиональном положении, как и о будущих династических интересах, Леопольд мог действовать очень быстро, экстремально жестко, иногда даже бесцеремонно²⁶.

Упорная настойчивость Леопольда стала окупаться с 1670-х гг., когда начались самые серьезные изменения политических настроений и начал расти авторитет императорской власти в империи. Действия Леопольда в первую очередь зависели от позиции его постоянного конкурента Людовика XIV. Франция проводила по отношению к своему немецкому соседу все более агрессивную политику. Король-Солнце заботился при этом, конечно, в первую очередь о безопасности Франции, но в империи расценивали это как военный экспансионизм: Франция в глазах многих имперских чинов превращалась из гаранта безопасности в реальную угрозу свободы сословий. Искусно сплетенная сеть политических контактов Франции и имперских чинов порвалась²⁷.

Окончательным поворотным пунктом стала Голландская война, которая началась в 1672 г. после нападения Франции на Нидерланды, а вскоре перекинувшаяся уже собственно на земли империи. С 1673-1674 гг. Леопольд решительно становится главой нового патриотического имперского антифранцузского движения, при этом имперское правительство умело использует вновь собравшийся

²⁵ В этой связи следует опираться на до сих пор точную характеристику, данную Фолькером Прессом: Press V. Leopold I. / Neue Deutsche Biographie. 14 (1985). S. 256-260, здесь S. 259f.

²⁶ Леопольду-политику часто приписывают нерешительность и осмотрительность, стремление четко соблюдать законность (напр., Schindling A. Leopold I. S. 171). Более пристальный анализ показывает, что Леопольд постоянно нарушал правопорядок. (см.: Kampmann Ch. Ein Neues Modell von Sicherheit: Traditionsbruch und Neuerung als Instrument kaiserlicher Reichspolitik 1688/89 / Neue Modelle im Alten Europa. Traditionsbruch und Innovation als Herausforderung in der Frühen Neuzeit. Ed. Christoph Kampmann u. a. 2012. S. 213-233; подробнее о нарушении традиционных законов см.: Spiegel K. Wilhelm Egon von Fürstenbergs Gefangenschaft und ihre Bedeutung für die Friedensfrage 1674-1679. Bonn, 1936, а также общая работа Völkerrechtsbruch als politische Strategie? Ein bekannter Fall und ein unbekannter Plan der Diplomatenentführung unter Kaiser Leopold I. / Guido Braun, Arno Strohmeier (Hg.). Frieden und Friedenssicherung in der Frühen Neuzeit. Das Heilige Römische Reich und Europa. Münster, 2013 (Schriftenreihe der Vereinigung zur Erforschung der Neueren Geschichte 36)). S. 323-348. Леопольд мог молниеносно реагировать, что доказывают примеры 1700-1701 гг.

²⁷ Подробнее см.: Aretin O. Op. cit. S. 237-271; Schilling H. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648 – 1763. Berlin, 1994. S. 215-229.

«постоянный рейхстаг», чтобы активно подогревать антифранцузские настроения²⁸. Он занимался вопросом объявления империей войны Франции и ее союзницы Швеции, издал четкие, понятные общественности указы, направленные против французских предметов роскоши и не боялся применять в высшей степени сомнительные с правовой точки зрения насильственные меры против приверженцев Франции в империи²⁹. Посыл императора был ясным: в империи в дальнейшем не будет профранцузской партии, теперь речь не будет идти даже о нейтралитете. Леопольд спешил с созданием международного альянса против Франции, хотя политическая теория нового времени была еще не слишком хорошо подготовлена к мультилатеральным союзам³⁰. Вместе с Испанией и Нидерландами Леопольд создал в 1673 г. большую антифранцузскую коалицию.

Однако у Леопольда вначале не получилось достичь реального политического успеха. Французскому королю удалось одержать верх на поле боя, а его выдающейся дипломатии – внести раскол в ряды союзников. Мирный договор в Нимвегене 1678-1679 гг. еще раз подчеркнул территориальные приобретения Людовика XIV³¹.

Первые неудачи не повлияли на стойкую франкофобию и проимператорское изменение настроений в империи. Этому способствовали различные факторы: так, например, Франция, стремясь расширить буферную зону для безопасности своих восточных границ, перешла к пресловутой политике присоединений, т.е. аннексии территорий на восточной и северной границе Франции³². Страх перед Францией увеличился также из-за преследования французских протестантов, ставшего все более агрессивным после мира в Нимвегене 1679 г., и достигшего своего апогея в эдикте Фонтенбло 1685 г.³³. Идущая из Франции нескончаемая волна беженцев сильнейшим образом беспокоила их единоверцев как в империи, так и в Европе в целом, что увеличивало антифранцузские страхи. В страхе перед Францией многие, особенно протестантские чины империи, еще теснее сплотились вокруг императора. Парадоксально, что Леопольд, который вел на собственных территориях, особенно в Венгрии³⁴, такую же четкую антипротестантскую конфессиональную политику, считался, тем не менее, в глазах протестантской империи гарантом, защищающим от дальнейшего продвижения Франции. Росту престижа императора в династической Европе в конечном итоге способствовало то, что его третья

²⁸ Bosbach F. Der französische Erbfeind. Zu einem deutschen Feindbild im Zeitalter Ludwigs XIV. / Bosbach F. (Hg.), Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit. Köln, 1992. S. 117-139.

²⁹ Подробнее см.: Spiegel K. Op. cit.; Strohmeyer A. „Aller Rebellionen Ausgang ist der Rebellen Untergang“. Der Flugschriftenstreit um die Entführung des Wilhelm Egon von Fürstenberg. / Erwein H. Eltz / Arno Strohmeyer (Hgg.). Die Fürstenberger. 800 Jahre Herrschaft und Kultur in Mitteleuropa. Korneuburg, 1994. S. 65-77.

³⁰ Cp.: Weber W. Prudentia Gubernatoria. Studien zur Herrschaftslehre in der deutschen politischen Wissenschaft des 17. Jahrhunderts. Tübingen, 1992. S. 311.

³¹ О мире в Нимвегене подробнее см.: Köhler M. Strategie und Symbolik. Verhandeln auf dem Kongress von Nimwegen. Köln, 2011.

³² Schilling H. Op. cit. S. 232-240.

³³ Niggemann U. Hugenotten. Köln/Weimar/Wien. 2011. S. 41-76.

³⁴ Cp.: Bérenger J. Op. cit. S. 289-295.

супруга Элеонора фон Пфальц-Нойбург (1655-1720)³⁵ наконец в 1678г. родила желанного мальчика-наследника, за которым в 1685 г. последовал второй сын Карл.

Укрепившись таким образом политически и династически, император заключил с рядом имперских чинов в 1682 г. Лаксенбургский альянс (названный по охотничьему замку Леопольда недалеко от Вены), чтобы энергично, и при необходимости используя военные средства, противостоять дальнейшей экспансии Франции и забрать у французского короля присоединенные приграничные территории.

4. “Великий перелом”³⁶ и новая формулировка целей политики императора

До новой войны против Франции дело пока не дошло. Вместо этого Леопольд внезапно столкнулся, вероятно, с самым большим кризисом всего своего правления, в котором он оказался после нападения Османской империи.

Сосредоточив все свое внимание на угрожающем положении дел на западе империи, политики в Вене непозволительно недооценили новую угрозу со стороны османов, при том, что срок двадцатилетнего мира подходил к концу. Османская империя, которая в 1670-е гг. достигла наибольших в своей истории размеров, при великом визире Каре Мустафе стремилась к дальнейшей экспансии. Вена же допустила срыв переговоров с предводителем курруццов графом Имре Текели. Это дало великому визирю последний повод для того, чтобы объединиться с Текели и в начале лета 1683 г. во главе 200-тысячного войска внезапно начать наступление на Вену³⁷.

Леопольд, императорская семья и двор спешно покинули резиденцию и отправились вверх по течению Дуная в Пассау. Это было хоть и не героическое, но, все же, умное решение, ведь находясь в Пассау, Леопольд мог ускорить создание антиосманского альянса, в который наряду с Папой входили Польша и многочисленные имперские князья. После двухмесячной осады Вены, которая была в высшей степени изнурительной и стоила больших потерь, интернациональному войску под командованием польского короля Яна Собеского и императорского главнокомандующего Карла IV Лотарингского удалось снять осаду, одержав победу в битве на Лысой горе³⁸.

Под впечатлением едва не произошедшей катастрофы 1683 г. император радикально пересмотрел свои политические приоритеты. Приоритетным направлением стало продолжение войны с турками, которую с 1684 г. вела так называемая Священный Лига, в которую входили император, Папа, Польша, Республика Венеция, а также войска имперских чинов, которые внесли свой заметный вклад³⁹.

³⁵ Aretin K.O., von. Op. cit. S. 273-302.

³⁶ Понятие было введено в работе: Boutant Ch. L'Europe au Grand Tournant des années 1680. La Succession palatine (Travaux du Centre de recherche sur les civilisations de l'Europe moderne). Paris, 1985.

³⁷ Barker T. M. Double Eagle and Crescent. Vienna's Second Turkish Siege in its Historical Setting. New York, 1967.

³⁸ Gerhartl G. Belagerung und Entsatz von Wien 1683 (Militärhistorische Schriftenreihe 46), Wien 1982.

³⁹ Hochedlinger M. Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683-1797 (Modern Wars in Perspective). London, 2003

С Францией, напротив, было заключено перемирие, которое подтверждало право Людовика XIV на владение всеми присоединениями в течение 20 лет⁴⁰. Решение уступить Франции и оставить в ее владении аннексированные земли далось императору очень тяжело и потребовало от него некоторой гибкости, но оно оказалось правильным: в период между 1684 и 1688 гг. Священной Лиге удалось добиться в тяжелых, кровопролитных битвах с османами почти сенсационных успехов. После битвы на горе Харсани в 1687 г. и завоевания находящейся с 1521 г. во власти турок крепости Белград в 1688 г. почти вся Венгрия была в руках Габсбургов⁴¹. Мятежи и серьезные беспорядки в Константинополе, которые привели к падению султана, казалось, указывали на распад Османской державы⁴². Все это означало эпохальный поворот: австрийские Габсбурги значительно расширили свои территориальные владения и поднялись до уровня великой державы. Турецкая угроза, которая с начала XVI в. была константой и общим местом в имперской политике, исчезла – вежа, которую вряд ли можно недооценить.

Леопольд как всегда стремился как можно быстрее закрепить за династией вновь приобретенные области. На заседании рейхстага в Прессбурге в 1687 г. венгерские сословия нехотя подчинились жесткому напору Леопольда преобразовать Венгрию «из благодарности» за ее освобождение в наследственную монархию дома Габсбургов⁴³. В следующем году Леопольд и его сын Иосиф, продолжающие политику «освобождения», подчинили своей власти великое княжество Трансильванию. Одновременно венский двор назначил специальную комиссию, которая должна была разработать схему принципиальных изменений структуры Венгрии в духе центральной монархической власти, меркантилизма и камерализма⁴⁴. Торжественное воззвание Леопольда о необходимости подняться на борьбу с османским владычеством с помощью имперских войск⁴⁵, обращенное к балканским народам, показывало, что стремление Вены к экспансии в юго-восточном направлении не исчерпывается подчинением Венгрии.

Тридцать лет спустя, когда император Леопольд в 1688 г. писал выше упомянутое завещание, он находился принципиально в другом политическом положении, по сравнению с тем временем, когда он принимал власть. Благодаря значительно укрепившемуся положению в империи, военным успехам в юго-восточной Европе и новым династическим перспективам, связанным с рождением двух наследников мужского пола, руки императора теперь были развязаны. Леопольд задумал – как это демонстрирует завещание – использовать это для австрийского дома.

⁴⁰ Burkhardt J. Vollendung und Neuorientierung des frühmodernen Reiches 1648 – 1763. Stuttgart, 2006. S. 128f.

⁴¹ Ср.: Hochedlinger M. Op.cit. S. 157-167; Eickhoff E. Venedig, Wien und die Osmanen. Umbruch in Südosteuropa. Stuttgart, 1988. S. 412-426.

⁴² Willis J.E. 1688: A Global History, Reinhard Schulze, Im globalen Wettbewerb des 17. Jahrhunderts. Die islamische Welt / Bernd Hausberger, Die Welt im 17. Jahrhundert. Wien, 2008. S. 185-251, здесь S. 205f.

⁴³ Béranger J. Op. cit. S. 372f.

⁴⁴ Ср. с недавним изданием: Einrichtungswerk des Königreichs Hungarn. Eds. János Kalmar/János J. Varga. Stuttgart, 2010.

⁴⁵ Redlich O. Op.cit. S. 315-317.

*Война и династия: политика императора и испанское наследство 1688-1705 гг.**1. Начало войны и военные цели императора 1688-1689 гг.*

В 1688 г., т.е. в год написания завещания, Людовик XIV вторгся в империю и началась следующая европейская война. Именно тогда стало очевидным насколько сильно сформулированные в завещании цели определяли политику императора.

До 1688 г. Людовик XIV с растущей тревогой следил за успехами Священной Лиги в войне с османами, он опасался, что усилившаяся империя сможет оспорить у него полученные до 1684 г. завоевания, и что Леопольд на основании своего изменившегося положения может стать опасным соперником в вопросе испанского наследства - опасения, которые, безусловно, имели под собой почву⁴⁶.

Борьба за преемственность в Кёльнском курфюршестве, в которой император, прибегнув к радикальным средствам, с помощью Папы в июле 1688 г. помешал возведению французского кандидата - кардинала фон Фюрстенберга, стала окончательным основанием для войны⁴⁷. Людовик XIV осенью 1688 г. в ультимативной форме потребовал и признания империей его присоединений, и уступку якобы полагающихся его родственнице Лизелотте частей Курпфальца, и урегулирования кельнского вопроса в пользу Фюрстенберга. С отклонением этих требований, начало новой войны между Францией и империей стало практически неизбежным⁴⁸. Эта война, которая носила различные названия, продолжалась девять лет⁴⁹. Она велась с большим ожесточением и многочисленными потерями на различных театрах военных действий как в Европе, так и за океаном.

В данном контексте особое значение имеет вопрос действий императора в момент начала войны. Политика Леопольда (совершенно в духе сформулированных им в завещании династических целей) была направлена на то, чтобы сохранить по возможности в полной мере приобретенные до 1688 г. территории для своей династии и, насколько это возможно, закрепить будущие династические приоритеты, принимая во внимание как империю, так и Испанию. Особенно внушительно иллюстрируют это два центральных (частично очень рискованных) основополагающих стратегических решения правительства императора на момент начала войны.

1) Во-первых, следует отметить смелое решение императора вести войну на два фронта – против Франции и против османов. Вопреки многим ожиданиям, Леопольд, несмотря на начало войны на западе, был не готов к уступкам на османском фронте. Об отказе от приобретенных областей на юго-востоке, например, от Трансильвании, по мнению императора, не могло быть и речи. Эти земли

⁴⁶ Malettke K. Die Bourbonen. Band 1. Heinrich IV. bis Ludwig XIV. Stuttgart, 2008. S. 218f.

⁴⁷ Braubach M. Wilhelm von Fürstenberg (1629-1704) und die französische Politik im Zeitalter Ludwigs XIV. Bonn, 1972. S. 442-446.

⁴⁸ Malettke K. Op. cit. S. 219.

⁴⁹ Война получила в историографии разные названия. В немецком языке: «Пфальцская война» (Pfälzischer Krieg), в английском: «Девятилетняя война» (Nine Years War) или «Война короля Вильгельма» (King William's War), во французском: «Война Аугсбургской Лиги» (Guerre de la Ligue d'Augsbourg).

полностью должны были остаться у династии⁵⁰. С другой стороны, также не могло быть и речи о том, чтобы пойти навстречу Франции относительно династических целей в Испании, так что война на два фронта была неизбежной.

Гарантией этой рискованной траектории в империи в 1688-1689 гг. стал беспрецедентный антифранцузский курс⁵¹. Пропаганда императорского двора, направленная против Франции, достигла новой высшей точки⁵², а разрушительные военные действия французских армий на западе империи, безусловно, подливали масла в огонь⁵³. На заседании Постоянного рейхстага в торжественной обстановке была объявлена война Франции, при этом Франция откровенно была поставлена на одну ступень с турецким «заклятым врагом»⁵⁴. Одновременно император недвусмысленно дал понять чинам империи, в первую очередь находящимся в опасности протестантам, что перед лицом французской угрозы не император нуждается в них, а чины - в императоре. За неучастие в войне или нейтралитет в любой форме угрожали серьезные наказания⁵⁵.

Запугивание имперских чинов с двух сторон – военным продвижением Франции и авторитарно действующим императором – возымело действие. Имперские чины примирились с тем, что император без их формального согласия, опираясь лишь на договоренность с отелными военными, единолично регулировал вопросы военных налогов и размещения войск на постой⁵⁶. Что касается династических вопросов, то и здесь для осуществления плана Тайного завещания был достигнут впечатляющий успех: используя метод кнута и пряника, уже в 1690 г. Леопольду удалось склонить курфюрстов к выбору своим преемником своего 11-летнего сына Иосифа. За 350 лет существования выборной монархии и Золотой буллы малолетнего ребенка еще ни разу не выбирали королем⁵⁷.

2) Во-вторых, еще показательнее выглядит тот факт, что Леопольд в связи с началом войны предпринял конкретные шаги, чтобы в случае смерти Карла II Испанского добиться с помощью военной силы наследование испанской империи австрийской ветвью дома Габсбургов. Для имперского правительства было очевидно, что реализация обширных наследственных планов, связанных с Испанией, возможна только при поддержке «морских держав». Начало войны 1688-1689 гг. было использовано для подготовки соответствующих шагов. Накануне войны с Францией статхаудер

⁵⁰ Höbelt L. Die Sackgasse aus dem Zweifrontenkrieg: Die Friedensverhandlungen mit den Osmanen 1689 / Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung 97 (1989). S. 329-380.

⁵¹ Kampmann Ch. Neues Modell. Cp. c: Roll Ch. Im Schatten der spanischen Erbfolge? Zur kaiserlichen Politik auf dem Kongreß von Rijswijk / Heinz Duchhardt (Hg.). Der Friede von Rijswijk 1697 (Veröffentlichungen des Instituts für europäische Geschichte Mainz, Abteilung Universalgeschichte, Beiheft 47). Mainz, 1998. S. 47-91. Здесь S. 54.

⁵² Wrede M. Das Reich und seine Feinde. Politische Feindbilder in der reichspatriotischen Publizistik zwischen Westfälischem Frieden und Siebenjährigem Krieg. Mainz, 2004. S. 474-483; 540f.

⁵³ Schilling H. Op.cit. S. 254f.

⁵⁴ Bosbach F. Op. cit. S. 136f. ; Wrede M. Op.cit. S. 477f.

⁵⁵ Kampmann Ch. Reichstag und Reichskriegserklärung im Zeitalter Ludwigs XIV. / Historisches Jahrbuch 113 (1993). S. 41-59.

⁵⁶ Aretin K.O., von. Das Alte Reich 1648 – 1806. Band 2: Kaisertradition und österreichische Großmachtpolitik (1684-1745). Stuttgart, 2005. S. 73.

⁵⁷ Kampmann Ch. Neues Modell. S. 222-227.

Нидерландов Вильгельм III Оранский, планируя летом 1688 г. интервенцию в Англию, под строжайшим секретом попросил императора о поддержке. Леопольд отреагировал на удивление позитивно – вступая в военный союз с протестантскими Нидерландами, направленный против другого монарха-католика, он отбросил все конфессиональные и политические сомнения. В ответ Леопольд очень деликатно, но недвусмысленно, дал понять уже летом 1688 г., что в качестве ответной услуги он ожидал бы поддержки морской державы при осуществлении своих династических претензий в Испании⁵⁸.

Таким образом, была определена дальнейшая политическая траектория, которая определила курс в начале войны, способствовала высадке Вильгельма Оранского в Англии, провозглашению его английским королем и созданию антифранцузского альянса. В мае 1689 г. был заключен союз между императором и Нидерландами. В тайных дополнительных статьях договора республика обязывалась поддерживать императора и его преемников при наследовании испанской монархии и *всех относящихся к ней* территорий, противостоять всем французским претензиям любыми имеющимися в распоряжении средствами, в том числе военными⁵⁹. Эта формула была умышленно использована и при включении в союз Англии в декабре 1689 г., когда окончательно сформировался «Большой Альянс» против Людовика XIV⁶⁰.

Заключение договора с Нидерландами было для Леопольда большим дипломатическим успехом, который нельзя было недооценить. Его волюнтаристский, эксплицитно сформулированный в завещании 1688 г. тезис, что именно дом Австрии со смертью испанских Габсбургов по мужской линии претендует на всю испанскую империю, в 1689 г. получил международно-правовое признание⁶¹. В войне за наследство Леопольд мог рассчитывать на мощных союзников.

2. Между надеждой и крахом: Леопольд и испанское наследство 1697-1700 гг.

По мирному договору в Карловитце в феврале 1699 г. Османская империя уступала Леопольду почти все королевство Венгрию (все, кроме Баната) и великое княжество Трансильванию, что было

---

⁵⁸ Kampmann Ch. The English Crisis, Emperor Leopold and the Origins of the Dutch Intervention / Historical Journal 55 (2012). S. 521-532.

⁵⁹ Ср.: *Offensiv- und Defensivallianz zwischen Kaiser Leopold I. und den Generalstaaten gegen Frankreich, 1689 Mai 12*, в: *Österreichische Staatsverträge. Niederlande, 1. Band: bis 1722*, bearb. von Heinrich Ritter von Srbik. Wien, 1912. S. 254-277. Здесь «*Articuli separati*» 275: *Sacram Caesaream Maiestatem eiusve haeredes ad successionem augustae eiusdem domui legitime competentem in monarchiam Hispanicam et eius regna, provincias, dictiones et iura earumque adipiscendam et asserendam quietam possessionem contra Gallos eiusve adhaerentes, qui se huic successioni directe vel indirecte opponere vellent, omnibus viribus adiuturos et in contrarium attentantium vim vi repulsuros*. О правах подробнее см.: Roll Ch. Schatten... S. 58.

⁶⁰ Ср.: Jenkinson Ch. A Collection of all the Treaties [...] between Great Britain and other Powers, Vol. I: 1648 to 1713. London, 1784. P. 286-292, здесь p. 291.

⁶¹ Об основополагающем, но недооцененном исследователями значении этих статей см.: Roll Ch. Schatten. S. 58. Также были выполнены некоторые другие требования императора (они косвенно звучали еще во время переговоров с Вильгельмом Оранским летом 1688 г.), в том числе была обещана поддержка со стороны Нидерландов при выборах Иосифа королем и в вопросе о возвращении Францией захваченных земель.

значительным территориальным расширением для австрийского дома в центральной Европе⁶². Так на юго-восточном фронте военных действий было достигнуто соглашение.

Однако война Большого альянса против Франции к разочарованию Леопольда не решила вопрос испанского наследства: не смотря на планы императорского двора, мирный договор в Рейсвейке в 1697 г. не смог урегулировать вопрос между императором и Францией о наследовании трона эрцгерцогом Карлом или домом Австрии. Официально об испанском наследстве в Рейсвейке вообще не говорилось, однако фактически именно испанский вопрос определил весь ход конгресса, что, однако, не привело к результатам: мирный договор, вопреки желанию императора, не затрагивал тему испанского наследства⁶³.

Известный немецкий историк Кристина Ролль в своем серьезном исследовании выявила причины, из-за которых император не добился своих целей по отношению к Испании в Рейсвейке⁶⁴. Дело было не в том, что урегулирование вопросов испанского наследства в мирном договоре было совершенно нереалистичным. При определенных условиях король Вильгельм III поддержал бы позицию Вены. Главная проблема заключалась прежде всего в плохой коммуникации между Веной и Мадридом. В Рейсвейке Габсбурги не выработали общей политики; тесное сотрудничество, сторонником которого был Фердинанд III⁶⁵, не было продолжено его сыном Леопольдом. Уже в Рейсвейке Леопольд мог бы понять, что его позиция по вопросу испанского наследства, не разделялась Мадридом с тем же энтузиазмом⁶⁶.

Представления Леопольда о настроениях мадридского двора, являвшиеся самообманом, совершенно не изменились после неудачи в Рейсвейке и абсолютно не повлияли на его позицию относительно неподделенного испанского наследства. Это явно демонстрирует реакция Вены на первый договор между Вильгельмом Оранским и Людовиком XIV о разделе территорий от 21 октября 1698 г., который признавал право баварского курпринца Иосифа Фердинанда, сына умершей дочери Леопольда Марии Антонии на главную часть испанского наследства и право эрцгерцога Карла на Милан⁶⁷. Признание за Габсбургами Милана имело, безусловно, для политики императора большое значение, как установил в своем исследовании историк Леопольд Ауэр⁶⁸, но главным приоритетом все же оставались

⁶² О Карловицком мире и конкретных переговорах см.: Redlich O. Op. cit. S. 482-484.

⁶³ De Schryver R. Spanien, die Spanischen Niederlande und das Fürstbistum Lüttich / Heinz Duchhardt (Hg.). Der Friede von Rijswijk 1697 (Veröffentlichungen des Instituts für europäische Geschichte Mainz, Abteilung Universalgeschichte, Beiheft 47). Mainz, 1998. S. 179-194.

⁶⁴ Roll Ch. Schatten... S. 84-91.

⁶⁵ Об испанской политике Фердинанда III, возможно самого «испанского» из всех австрийских Габсбургов см.: Kampmann Ch. The Emperor / Olaf Asbach, Peter Schröder (Hgg.). The Ashgate Research Companion to the Thirty Years' War. Farnham/Burlington, 2014. S. 39-52. Здесь S. 49f; Höbelt L. Ferdinand III. Friedenskaiser wider Willen. Graz, 2008. S. 117 и 410.

⁶⁶ Roll Ch. Schatten... S. 85-91.

⁶⁷ Текст в: Legrelle A. Op.cit. Vol 2. Paris, 1888. P. 664-680.

⁶⁸ Auer L. Zur Rolle Italiens in der österreichischen Politik um das spanische Erbe // Mitteilungen des österreichischen Staatsarchivs 31 (1978). S. 52-72; idem. Österreichische und europäische Politik um das spanische Erbe / Elisabeth Springer, Leopold

претензии на все испанское наследство целиком. Милан категорически не мог стать компенсацией за отказ от всего наследства, об этом не могло быть и речи. Поэтому император резко выразил свой протест против этого договора, в котором он, кроме того, усмотрел серьезное нарушение Вильгельмом Оранским союзнических договоренностей 1689 г.⁶⁹ Ранняя смерть Иосифа Фердинанда, как известно, в любом случае быстро свела первый договор о разделе на нет. Недействительным поэтому стало и завещание Карла II Испанского, составленное в ответ на договор о разделе, в котором он назначал Иосифа Фердинанда своим единоличным наследником⁷⁰.

Значительно выгоднее для императора или дома Австрии был второй договор о разделе в марте 1700 г., который был заключен при участии Франции, Англии и Генеральных Штатов. Он признавал право эрцгерцога Карла на Испанскую империю за исключением итальянских владений, которые должны были отойти Франции. Франция сохраняла право обмена Милана на какую-нибудь граничащую с Францией территорию, например, Лотарингию⁷¹.

Этот договор не был отклонен сразу, он стал предметом интенсивных обсуждений при дворе императора⁷². Однако в результате имперское правительство не приняло и этот план. Решающим препятствием оставалось урегулирование по поводу Италии. Отказ от Милана – и в этом пункте имперское правительство было полностью единодушно – в Вене категорически исключался. Правда, причины настаивать на будущем приобретении Милана у различных членов венского руководства были разные. Для Леопольда Милан был решающим стратегическим мостом на Иберийский полуостров – в принципе, и сейчас император все еще придерживался проводимой с 1688 г. линии о неделимом наследстве испанской империи для себя и своего дома по мужской линии, конкретно, для эрцгерцога Карла⁷³. Для части императорских советников и министров ценность приобретения Милана состояла в другом. Они видели в этом возможность соединить северо-итальянское герцогство с наследственными австрийскими землями. Некоторые из этих советников заходили так далеко, что готовы были за это отказаться от остального испанского наследства⁷⁴.

Однако для императора Леопольда в отличие от его советников речь шла лишь обо всем испанском наследстве, а не только об Италии. Это показывают и франко-имперские тайные переговоры 1699-1700 гг. В эти прямые переговоры с Версалем, державшиеся в строгом секрете, венское правительство вступило, чтобы уравнивать шансы при заключении соглашения без морских держав, а при

Kammerhofer (Hgg.). Archiv und Forschung. Das Haus-, Hof- und Staatsarchiv in seiner Bedeutung für die Geschichte Österreichs und Europas (= Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit 20, Wien 1993), 96–109.

⁶⁹Schnettger M. Der Spanische Erbfolgekrieg. 1701-1713/14. München, 2014. S. 21.

⁷⁰Ibidem.

⁷¹Текст в: Legrelle A. Op.cit. Vol. 3. Paris, 1890. 669-680.

⁷²Подробнее о ходе этих переговоров см.: Auer L. Zur Rolle Italiens. S. 57-62.

⁷³Auer L. Österreichische und europäische Politik. S. 100; idem. Zur Rolle Italiens. S. 59.

⁷⁴Например, оберстгофмаршал граф Мансфельд. Ауэр видит в этом доказательство того, что среди высших советников и министров в Вене была выработана общая династическая концепция. См.: Auer L. Zur Rolle Italiens. S. 58f.

случае даже выступить против них. Во время переговоров Людовик XIV намекал, что он не прочь согласиться на обмен предусмотренных во втором договоре о разделе территорий: то есть император или дом Австрии будет иметь право на итальянские части испанского наследства. Однако и этот шанс император упустил, т.к. с одной стороны, за многие годы ожесточенной вражды у него сформировалось недоверие по отношению к королю-солнцу, но с другой стороны, и именно это имело решающее значение, потому что он не мог и не хотел распрощаться с представлениями о переходе к его дому всего наследства Габсбургов⁷⁵. Для него оставалась актуальной династическая «программа» завещания 1688 г.

Весьма вероятно, что надежды Леопольда, возлагались на последнее завещание короля Карла II, которого он ждал, полагая, что его дом будет назначен единоличным наследником. Это было небезосновательно, потому что в прошлом Карлом II давались соответствующие обещания⁷⁶. Кроме того, самого Леопольда в последнем завещании Карла II, написанном в пользу Иосифа Фердинанда, в случае смерти последнего называли первым в очереди на наследство⁷⁷. Вероятно, император как и раньше, был глубоко убежден в том, что Мадрид разделяет его принципиальную интерпретацию наследственного права внутри австрийского дома, согласно которой мужские линии имели взаимное право наследования⁷⁸.

Совсем скоро стала очевидна драматичная ложность такой оценки, что ясно показало недостаточную связь между Веной и Мадридом: вопреки всем надеждам и ожиданиям Леопольда Карл II незадолго до своей смерти 1 ноября 1700 г. назначил своим единоличным наследником второго внука Людовика XIV. Эрцгерцог Карл предусматривался как запасной наследник на случай, если Бурбоны откажутся от наследства. Для придворной партии в Мадриде, принимающей решения, высшим приоритетом была неделимость империи, а наследственно-правовые соображения о целостности дома Габсбургов находились на заднем плане⁷⁹. Завещание короля Карла II Испанского грубо пробудило Леопольда от всех династических снов и стало, без сомнений, одним из самых чувствительных политических поражений, которое он потерпел за время своего правления, итак не бедного на неудачи.

3. Второй поворот? Новые надежды на испанское наследство 1700 -1705 гг.

Следует особо подчеркнуть, что формулировка завещания не оставила Людовику XIV практически другого выбора, как принять завещание и признать своего внука королем Испании, в противном случае

⁷⁵ Auer L. Zur Rolle Italiens. S. 62f.

⁷⁶ Gaedecke A. Die Politik Österreichs in der spanischen Erbfolgefrage. Band 2. Leipzig, 1877. S. 93, 130f и 193f.

⁷⁷ Schnettger M. Op.cit. S. 23-26.

⁷⁸ Auer L. Zur Rolle Italiens. S. 62f.; Roll Ch. Schatten. S. 89.

⁷⁹ Schnettger M. Op.cit. S. 23-26.

он рисковал потерей испанской империи, и ее переходом к конкурентам Габсбургам⁸⁰. Не могло быть никаких сомнений, что в таком случае со своей стороны Леопольд примет завещание.

После принятия завещания Людовиком XIV политическое положение императора поначалу обострилось, т.к. его прежние партнеры по союзу не принимали никаких мер, чтобы выступить против неразделенного бурбонского наследства Испании. Имперские чины отказались от явного выражения поддержки императору, так что он на время распустил рейхстаг⁸¹. Королю Вильгельму III вначале также не удалось убедить свой парламент вступить в бой с Людовиком XIV⁸². Однако Леопольд снова продемонстрировал те черты характера, которые отличали его во время прошлых кризисов: он решительно и настойчиво выступил против претензий Бурбонов, несмотря на их преимущество на всех фронтах, что означало войну. Леопольд не утратил мужество, потому что по-прежнему непоколебимо верил в предназначение и будущее своего дома, что он уже не раз демонстрировал в прошлые годы. Кроме того, он тонко чувствовал слабости своего противника Людовика XIV, который в момент успеха раз за разом забывал про необходимую сдержанность и осторожность⁸³.

Действительно, Людовик XIV сам, как это уже было в 1670-е гг., активно способствовал тому, что Леопольд на удивление быстро смог преодолеть кризис осени-зимы 1700-1701 гг. Людовик XIV прибег к практически провокационным шагам: с помощью короля Филиппа V он передал право асьенто Франции, оккупировал часть Испанских Нидерландов, а также признал права Филиппа V на Францию. Все это подтолкнуло Англию и Нидерланды к борьбе против единоличного наследия Бурбонов в Испании⁸⁴. Понимая изменение политического расклада сил, практически все имперские чины опять выступили за императора, исключения составили только курфюршества Бавария и Кёльн, занявшие профранцузскую позицию⁸⁵. Созданию нового Большого альянса способствовали и военные успехи императора, точнее его полководца принца Евгения в верхней Италии. Быстрые и решительные действия императора подчеркивают важность династических целей для Леопольда, что диаметрально противостоит образу нерешительного и нерасторопного монарха. Еще до известия о смерти Карла II, император, забыв про сдержанность, набожность и представления о законности, вошел в испанские

⁸⁰ Auer L. Österreichische und europäische Politik. S. 100; Schnettger M. Op.cit. S. 27.

⁸¹ Cp.: Kampmann Ch. Reichstagskrise als Reichskrise? Kaiser, Reich und Immerwährender Reichstag um 1700 / Harriet Rudolph, Astrid von Schlachta, Christian König (Hgg.). Stadt. Reich. Europa. Multiple Perspektiven auf den Immerwährenden Reichstag von Regensburg (1663-1806). 2014.

⁸² Troost W. William III, the Stadholder-King. London, 2005. P. 258f.

⁸³ Auer L. Zur Rolle Italiens. S. 63f.

⁸⁴ См.: Frey L. / Frey M. A question of Empire: Leopold I and the War of Spanish succession 1701 – 1705. New York, 1983. P. 18f.; cp.: Schnettger M. Op.cit. S. 30f.; Troost W. Op. cit. P. 59f. Об образовании Большого альянса см.: Auer L. Zur Rolle Italiens. S. 63f.

⁸⁵ О колебаниях в империи в пользу императора см.: Aretin K. O., von. Op.cit. S. 117-119; О переходе Баварии на сторону Франции подробнее: Kraus A. Op.cit. S. 439-441. Frey L. /Frey M. Op.cit. Краус и Фрей подчеркивают сложность этой ситуации для императора и его союзников.

верхнеитальянские княжества, считая их вакантными имперскими ленами⁸⁶. Имперские войска моментально были отправлены за Альпы, чтобы опередить аннексию этих владений Францией, или Филиппом V. Правда, этот план был реализован лишь частично. Расчет Леопольда был совершенно ясным: если наследство Филиппа V будет оспорено в важной части испанской империи, то и вопрос наследства в целом будет сомнительным⁸⁷. Благодаря военной эскалации, логике союзнической войны и специфическим интересам участвующих держав Леопольду удалось между 1701 г. и 1703 г. снова использовать союзников для решения собственных династических целей. Согласно договору 1701 г. союзники обещали императору приложить все усилия для перехода к австрийскому дому Испанских Нидерландов и испанских территорий в Италии. Нерешенным оставался лишь технический вопрос: будет ли это считаться территориальным увеличением австрийских наследственных земель, или же секундогенитурой для эрцгерцога Карла, или - в духе целей Леопольда - стратегическим плацдармом для единоличного перехода испанского наследства австрийским Габсбургам⁸⁸. Этот вопрос был разрешен в 1703 г.: в договоре 1703 г. было указано, что союзники поддержат передачу неразделенного испанского наследства эрцгерцогу Карлу как Карлу (III) Испанскому⁸⁹. Тем самым был совершен знаменательный поворот: Англия, Нидерланды и империя вернулись к союзническим условиям 1689 г. На фоне драматизма кризиса 1700-1701 гг. это было для Леопольда потрясающим успехом, на который он вряд ли даже мог надеяться⁹⁰. Согласно тайному договору (*Pactum mutuae successionis*) теперь ничто не мешало передаче Иосифу новым испанским королем Карлом III Милана; к тому же это отчетливо подчеркивало принципиальную позицию Леопольда о распоряжении наследством по собственному усмотрению мужской линией дома Габсбургов⁹¹.

Хотя союзнический договор 1703 г. и был дипломатическим триумфом, военное положение продолжало оставаться мрачным: в Баварии по-прежнему находился французский лагерь, таким образом, недалеко от границ эрцгерцогства Австрия были размещены французские войска; город рейхстага Регенсбург был в руках вражеских войск⁹². К тому же в Венгрии начиналось новое восстание против власти Габсбургов⁹³. Незадолго до своей смерти в мае 1705 г. Леопольд стал свидетелем нового поворота

⁸⁶ Ср.: Das Patent Leopolds I. an die mailändischen Magistrate, 1700 November 22, Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, Misc. Grat. 29/30 Konv.3. В этом документе император четко подтвердил, что он осведомлен о смерти Карла II (*fama publica*) и получил уже доказательства этому.

⁸⁷ Согласно императору, в Испании верили, что Испанская империя может остаться неразделенной только благодаря Франции; исходя из этого завещание было составлено в пользу Филиппа Анжуйского Поэтому следовало быстро действовать в Италии, чтобы разубедить Испанию в этом мнении. См.: Leopold I. in der Geheimen Konferenz vom 19. November 1700, Haus-Hof- und Staatsarchiv Wien, Geheime Konferenz 18, Nr. 776. Auer L. Zur Rolle Italiens. S. 64.

⁸⁸ Auer L. Zur Rolle Italiens. S. 67.

⁸⁹ Turba G. Op.cit. S. 130-132; Auer L. Zur Rolle Italiens. S. 68.

⁹⁰ Frey L. / Frey M. Op. cit. S. 65.

⁹¹ Ср.: Turba G. Op.cit. S. 144.

⁹² О критическом военном положении в Южной Германии см.: Arndt J. Herrschaftskontrolle durch Öffentlichkeit. Die publizistische Darstellung politischer Konflikte im Heiligen Römischen Reich, (1648-1750). Mainz, 2013. S. 344f.

⁹³ О критическом положении в Венгрии в 1703 см.: Bérenger J. Op. cit. S. 430f. Frey L. / Frey M. Op. cit. S. 65. S. 69-71.

в войне, последнего «перелома» в своей не бедной на драматические повороты жизни. В битве при Хехштедте в августе 1704г. союзническая армия императора и англичан под командованием принца Евгения и Мальборо нанесла сокрушительное поражение франко-баварским войскам, самое сокрушительное из тех, которые до этого Людовик XIV пережил за весь период своего правления. Французский король спешно вывел все войска из империи, а Бавария была занята имперскими частями⁹⁴.

В конце жизни многим политическим наблюдателям казалась вполне возможной перспектива осуществления Леопольдом династических целей при поддержке Большого альянса, его сын Карл небезосновательно мог претендовать на все испанское наследство. Во всяком случае, для самого Леопольда не существовало никаких сомнений в том, что династическая «программа», сформулированная им в Тайном завещании 1688г., будет претворена в жизнь. Его вера в будущее дома Австрии была несокрушимой.

Заключение

Вряд ли что-либо может лучше проиллюстрировать необходимость переосмысления образа императора Леопольда, чем борьба за испанское наследство. Здесь нет места нерешительному и сдержанному правителю. Леопольд, как никто другой, (в том числе и Людовик XIV) придерживался своих максималистских требований в династических вопросах: с 1680-х гг. он неуклонно и несокрушимо боролся за то, чтобы дому Австрии полностью досталось все испанское наследство. При этом он абсолютно не стеснялся в выборе средств: и империя, и Европа увидели императора, который со всей жесткостью, игнорируя правовые и моральные нормы, преследовал свои династические цели. Радикализм Леопольда, и об этом не стоит забывать, был важным основанием для возникновения войны за испанское наследство.

При анализе образа Леопольда бросается в глаза странная противоречивость: в своих целях он был традиционалистом. При этом он не замечал, что испанская линия Габсбургов уже давно распрощалась с представлениями о единстве с австрийской ветвью, в то время как для Леопольда это единство был само собой разумеющимся. Его методы в войне, дипломатии и публицистике были, напротив, совсем другими, их ни в коем случае нельзя считать традиционными; это сочетание традиционализма и радикализма выходит уже за рамки XVII в. Сам Леопольд не дожил до окончания борьбы за Испанию и поэтому ему не пришлось узнать, что решение испанского вопроса было не таким, как в его мечтах. Несмотря на то, что финал борьбы за испанское наследство не соответствовал представлениям Леопольда, его вклад в европейскую политику XVIII в. вряд ли следует недооценивать: своей решительностью, настойчивостью и жесткостью именно он заложил основу того, что Австрия стала

⁹⁴ Frey L. / Frey M. Op. cit. S. 79f. О стратегическом значении имперско-английской победы см.: Hochedlinger M. Op.cit. P. 181f.

одним из центральных акторов международной политики и оставалась им до XX в. Он способствовал триумфальному становлению новых политических инструментов и методов, которые в долгосрочной перспективе были несовместимы с традиционным порядком Священной Римской империи. К тому же Леопольд оказался очень талантливым противником Людовика XIV, который самое позднее с 1680-х гг. имел действительно веские причины опасаться своего соперника в империи.

Перевод с немецкого А.В.Лазаревой

БИБЛИОГРАФИЯ (BIBLIOGRAPHY):

1. Aretin K.O., von. Das Alte Reich 1648 – 1806. Band 2: Kaisertradition und österreichische Großmachtpolitik (1684-1745). Stuttgart, 2005
2. Auer L. Zur Rolle Italiens in der österreichischen Politik um das spanische Erbe // Mitteilungen des österreichischen Staatsarchivs 31 (1978)
3. Auer L. Österreichische und europäische Politik um das spanische Erbe / Elisabeth Springer, Leopold Kammerhofer (Hgg.). Archiv und Forschung. Das Haus-, Hof- und Staatsarchiv in seiner Bedeutung für die Geschichte Österreichs und Europas (= Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit 20, Wien 1993)
4. Béranger J. Léopold Ier (1640-1705). Fondateur de la puissance autrichienne (Perspectives germaniques). Paris, 2004
5. Boutant Ch. L'Europe au Grand Tournant des années 1680. La Succession palatine (Travaux du Centre de recherche sur les civilisations de l'Europe moderne). Paris, 1985
6. Das Patent Leopolds I. an die mailändischen Magistrate, 1700 November 22, Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, Misc. Grat. 29/30 Konv.3
7. Frey L. / Frey M. A question of Empire: Leopold I and the War of Spanish succession 1701 – 1705. New York, 1983
8. Hochedlinger M. Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683-1797 (Modern Wars in Perspective). London, 2003
9. Jenkinson Ch. A Collection of all the Treaties [...] btween Great Britain and other Powers, Vol. I: 1648 to 1713. London, 1784
10. Kampmann Ch. Ein Neues Modell von Sicherheit: Traditionsbruch und Neuerung als Instrument kaiserlicher Reichspolitik 1688/89 / Neue Modelle im Alten Europa. Traditionsbruch und Innovation als Herausforderung in der Frühen Neuzeit. Ed. Christoph Kampmann u. a. 2012
11. Kampmann Ch. Reichstagskrise als Reichskrise? Kaiser, Reich und Immerwährender Reichstag um 1700 / Harriet Rudolph, Astrid von Schlachta, Christian König (Hgg.). Stadt. Reich. Europa. Multiple Perspektiven auf den Immerwährenden Reichstag von Regensburg (1663-1806). 2014.
12. Legrelle A. La diplomatie française et la succession d'Espagne. Volume 1. Le premier traité de partage (1659-1697). Paris, 1888
13. Leopold I. in der Geheimen Konferenz vom 19. November 1700, Haus- Hof- und Staatsarchiv Wien, Geheime Konferenz 18, Nr. 776
14. Offensiv- und Defensivallianz zwischen Kaiser Leopold I. und den Generalstaaten gegen Frankreich, 1689 Mai 12 / Österreichische Staatsverträge. Niederlande, 1. Band: bis 1722, bearb. von Heinrich Ritter von Srbik. Wien, 1912
15. Press V. Leopold I. / Neue Deutsche Biographie. 14 (1985)

-
16. Redlich O. Weltmacht des Barock. Österreich in der Zeit Kaiser Leopolds I. Wien, 1961
  17. Roll Ch. Im Schatten der spanischen Erbfolge. Zur kaiserlichen Politik auf dem Kongress von Rijswijk / Der Friede von Rijswijk 1697. Hg. von Heinz Duchhardt in Verbindung mit Matthias Schnettger und Martin Vogt. Mainz, 1997
  18. Schindling A. Leopold I. (1658-1705) / Anton Schindling / Walter Ziegler (hrsg.) Die Kaiser der Neuzeit 1519-1918. Heiliges Römisches Reich, Österreich, Deutschland. München, 1990
  19. Schnettger M. Der Spanische Erbfolgekrieg. 1701-1713/14. München, 2014
  20. Schumann J. Die andere Sonne. Kaiserbild und Medienstrategien im Zeitalter Leopolds I. Berlin, 2003
  21. Spielman J.P. Leopold I. Zur Macht nicht geboren. Wien, 1981
  22. Srbik H.R., von. Wien und Versailles 1692 – 1697. Zur Geschichte von Straßburg, Elsaß und Lothringen. München, 1944
  23. Turba G. Die Grundlagen der Pragmatischen Sanktion. Band II.: Die Hausgesetze. Leipzig, Wien 1912
  24. Ulbert J. Die österreichischen Habsburger in bourbonischer Sicht / Konkurrierende Modelle im dynastischen Europa. Bourbon – Habsburg – Oranien 1700, hgg. von Katharina Krause, Eva-Bettina Krems und Anuschka Tischer, Köln/Wien 2008